

ОБРАЗ РУСАЛКИ В ЛИРИКЕ А. ПУШКИНА И М. ЛЕРМОНТОВА

C. Курбанова¹

Аннотация:

В статье рассматривается образ русалки в лирике двух великих русских поэтов А. Пушкина и М. Лермонтова. Русалка описана как образ, который часто сравнивали с нечистой силой, смертью и горем.

Ключевые слова: русалка, романтизм, утопленница, море, берег, водяная дева, горе, печаль, смерть.

doi: <https://doi.org/10.2024/hrb9ox78>

В русской фольклорной традиции существует большое количество образов мифических существ, среди которых русалка играет важную роль. Ещё в старицу до принятия христианства на Руси этой мифической героине было посвящено много сказок, притч легенд и даже обряды проводились, где русалки были олицетворением нечистой силы. В жизни древних языческих славян было большое количество обрядов, ритуалов, праздников, связанных с их религией. Русалка в основном воспринималась как нечистая сила, которую нужно сторониться. Лишь в редких случаях она помогала людям, особенно детям в трудных ситуациях, когда те заблудившись не могли найти обратный путь к дому и т.д. Анализируя образ русалки, читатель невольно задумывается об этимологии слова «русалка» [1]. Согласно теории «римского влияния», которую отстаивали Ф. Миклошич и А. Н. Веселовский, слово русалка позднего происхождения, произошло от названия древнеримского праздника поминования предков — Розалии (от лат. Rosalia «праздник роз, посвящённый умершим»). В то же время историк-антикoved Т. Д. Златковская ставит под сомнение возможность заимствования персонажей древнеримской мифологии восточными славянами. По мнению мифолога Е. Е. Левкиевской, мифологический образ русалки является исконно славянским и сложился в глубокой древности. В украинском языке сохранилось название мавка, в белорусском — водяница, купалка, как синоним русалки. В русском фольклоре русалка это мифическое существо в женском облике. Русалки опекали поля, леса и воды. Среди простого народа её называют водяницей, щекотихой, шутовкой. Под западным влиянием в русской литературе и кинематографии образ русалки перевоплотился в образ морской девы, которая вместо ног имеет рыбий хвост и живёт в море.

На Руси существовала неделя, которая называлась в честь этих мифических героинь «Русальной неделей»[2]. Как правило, в эту неделю древние славяне пели песни, наряжали русалкой одну из деревенских девушек, которая олицетворяла русалку и оставляли её на ночь в каком-либо открытом поле или заброшенном месте. На утро девушка возвращалась обратно домой. Таким образом, люди изгоняли нечисть в лице русалки из своих деревень. Помимо такого рода обрядов существовало

¹ Курбанова Сабохат, Международный университет туризма и культурного наследия «Шёлковый путь»

и множество других. В данной статье изучен и проанализирован образ русалки в трёх произведениях русской литературы начала XIX века, которые имеют схожие и отличительные черты друг от друга. Объектами нашего исследования являются одноимённые стихотворения А. Пушкина и М. Лермонтова «Русалка».

Стихотворение «Русалка» написано А. Пушкиным в 1819 году годом ранее Пушкин написал свою первую романтическую поэму «Руслан и Людмила», которая была признана одной из лучших романтических произведений начала XIX века. С этого момента читатель узнаёт Пушкина, как прекрасного поэта-романтика, который может описать выдуманный мир своих видений. В «Русалке» композиционно автор начинает со строф романтического описания главного лирического персонажа пожилого монаха-отшельника, который день и ночь молиться, не зная покоя [3]. Однажды он замечает нагую девушку, которую сидит у берегов и расчёсывает свои волосы, и монах смотрит на неё с застывшим изумлением. После увиденной им девы монах не может больше думать ни о чём. Все его мысли заняты прекрасной девой. Он ждёт следующего появления девушки у берегов моря. В конце он обретает покой, приняв смерть в объятиях той самой русалки.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных брегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

У М. Лермонтова в стихотворении образ русалки не даётся так подробно, как это дано в «Русалке» Пушкина. Лермонтов говорит лишь о том что русалка поёт о своей таинственной стране, которая находится глубоко под водой. Здесь нужно обратить внимание на то, что многие авторы в художественной литературе описывают русалку нагой девушкой, чаще утопленницей с распущенными волосами, сидящей на берегу моря и поющей песни, как это часто даётся в западноевропейском фольклоре, помимо этого, всего русалка ещё и поёт[4]. Не зря Печорин называет девушку-контрабандистку из «Героя нашего времени» своей Ундиной, которая пела песни на крыше дома у морского берега. В своём стихотворении «Русалка» М. Лермонтов вновь напоминает читателю о мрачном образе главной лирической героини, что на дне моря спит витязь другой страны, а во сне он не дышит и не шепчет.

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит, — и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!...»

В приведенном четверостишии вновь упомянута смерть, которая произошла в присутствии русалки. Образ водяной девы снова переплетается со смертью, горем и печалью.

В заключении исследования можно сказать, что образ русалки чаще сравнивался с чем-то плохим, притягивающим негативную силу или печаль, как это описано во многих произведениях той эпохи.

Список использованной литературы:

- [1]. Пушкин, А. С. Сочинения: в 3 т. / А. С. Пушкин. Т.
- [2]. Поэмы. Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1974. – 496 с.
- Литературоведение 102 4 Пушкин, А. С. Сочинения: в 16 т. / А. С. Пушкин. Т.
- [3]. Стихотворения, 1826 -1836. Сказки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 635 с.
- [4]. Лермонтов, М. Ю. Избранные сочинения / М. Ю. Лермонтов. – М.: Дет. лит., 1977. – 622 с.
- [5]. Mamatyusufovna, A. U. (2022). Descriptive means of creating female characters in the works of gerbert bates. *Journal of Positive School Psychology*, 9295-9299.
- [6]. Umida, A. (2023). Stylistic Peculiarities of Herbert Bates Stories. *International journal of inclusive and sustainable education*, 2(2), 122-125.